

Княжнин (III, 113—114) пишет:

Жестокой! ах! как он притворствовать умеет,
Отъемлет жизнь мою и обо мне жалеет.

Совершенно очевидно, что ни в одном из известных нам драматических произведений Княжнина нельзя найти следов подобного недобросовестного отношения к литературной работе. Относящиеся к 1770-м годам факты биографии Княжнина наилучшим образом объясняют нам причину его литературного грехопадения. С 1773 по 1777 года Княжнин, как известно, состоял под судом (с разжалованием в солдаты) за растрату казенных сумм. Для драматурга эти годы, в связи с его материальными затруднениями, были одновременно годами напряженной литературной работы. На эти и следующие за ними два года падает большая часть выполненных Княжниним переводов. В 1777 году был издан перевод «Генриады» Вольтера, в 1778—идиллии Геснера, в 1779 — первый том трагедий Корнеля («Смерть Помпеева», «Цинна» и «Сид»). Все эти работы и при жизни драматурга пользовались наименьшей популярностью. «Они не стоят ни подлинников своих, ни славы переводившего», — писал митрополит Евгений Болховитинов, отметивший также причину этого: «Нужды по большей части заставляли его поспешно и не очень внимательно обрабатывать свои творения».¹⁴

IV

Тематические различия между «Меропой» и «Ольгой» сводятся к некоторому изменению образов тирана (Полифонт — Мал) и его жертвы (Меропа — Ольга). Вольтеровский Полифонт — изменивший раб, княжнинский Мал — исконный враг, отмстивший за все свои предшествовавшие поражения. Это — единственная черта, заимствованная Княжниним из исторических источников. В связи с сказанным Меропа только в середине третьего акта узнает, что Полифонт — убийца ее мужа, в то время как Ольге преступление Мала было известно в течение 15 лет до исходного момента трагедии. Полифонт только во втором акте захватывает престол, тогда как Мал совершил это уже давно, и т. д. К существеннейшим различиям относится также изменение архитектоники пятого акта (у Вольтера убийство тирана происходит за сценой). Вообще первый и пятый акты «Ольги» написаны намного самостоятельнее центральных актов. В них, в частности, нет ни одного целиком заимствованного у Майкова стиха.

Немногочисленность изменений, произведенных Княжниним при передаче майковской «Меропы» в «Ольгу», объясняется не только хищническим отношением к труду Майкова, но и полнейшим игнорированием исторических данных. Позднее, создавая «Вадима Новгородского», Княжнин был волен творить что угодно, так как нет исторического образа Вадима, а есть только краткое упоминание о его гибели. Но исключительно яркий летописный образ хитрой и мстительной Ольги ни в какой мере не позволял Княжнину превращать страдающую Меропу в еще более жалкое и безличное существо, ни одной своей чертой не напоминающее присвоенное ему историческое имя.

Упомянутая выше «Велесана» Федора Козельского также не свободна от влияния той же «Меропы» Вольтера. Но влияние это полностью подчи-

¹⁴ Евгений <Болховитинов>. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. I. М., 1845, стр. 289. См. также работу Ю. А. Веселовского: «Я. Б. Княжнин (жизнь и творчество)». М., <1917>, стр. 22—25.